

ВИКТОРИЯ КОРОЛЁВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я тебя
НЕ ЖДУ

Не герой романа

Виктория Королёва

Я тебя не жду

«Автор»

2024

Королёва В.

Я тебя не жду / В. Королёва — «Автор», 2024 — (Не герой романа)

Кто мы? Мы — два разбитых осколка от некогда целого и прекрасного. Я влюбилась, забыв обо всех принципах. Просто влюбилась в него... Но теперь это уже не важно. Я больше не имею права ждать. Нас больше нет, и ничто не способно это исправить. Дисклеймер: Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность. Ксенофобные высказывания в тексте принадлежат персонажам и даны критически. Автор не разделяет этих взглядов и осуждает дискриминацию.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктория Королёва

Я тебя не жду

Глава 1

Оксана

Можно влюбиться в мужчину так быстро, как это сделала я?

Можно...

Да и есть ли вот этот порог, после которого «можно»? Кто-то хотя бы раз задавался этим вопросом всерьёз? Я отвечаю сама – нет, такого порога просто нет. Ты в какую-то секунду больше не хочешь вдыхать воздух, в котором нет его частички. Это необъяснимо и как-то очень романтизировано, но это факт.

Потребительски и эгоистично? ДА! Люди по своей натуре эгоисты и мы все не идеальны. Смирись с этим, и жизнь станет проще, а возможно и радостнее.

– То есть, получается, ты меня присвоил? – кокетливо интересуюсь, выписывая пальчиком узоры на белом песке.

– Я тебя выбрал, – отвечает, поглаживая по волосам.

У меня мурашки размером с бездну. Всегда так реагирую. А ему до жути нравятся мои волосы – часто так перебирает, чуть сощурившись и погружаясь в свои мысли. Феминистка во мне вопит, что я дура и как зверушка для него, а изнеженная девочка... тихо млеет от ласки, пусть и такой странной. Да какая разница, какая она эта ласка, главное, что она осязаема.

Счастливо жмурясь, поглядываю на небо через солнцезащитные очки. Мне так хорошо с ним, что всё остальное меркнет на этом фоне. Закружил, закрутил по орбите, вывернул небо наизнанку.

– Как-то это варварски получается.

Не вижу лица, но чувствую – улыбается.

– Ну... мы немного животные, если ты не заметила.

О да...я заметила!

Устраиваюсь удобнее на его груди и продолжаю лениво рассматривать голубую гладь, совершенно не терзаемая совестью по поводу своего «прогула». Хочу быть тут, с ним, желательно -вечно!

Вздрагиваю всем телом. Лязг замка выдёргивает из воспоминаний с мясом. Больно физически, потому что там, в том мире, я была счастлива. Так счастлива, с ним...

Подбираюсь, переходя на аварийный режим, готовясь толи к удару, толи к очередному шторму. С головы до ног обливает холодом. И как бы не старалась контролировать тело, как бы я не мечтала показать свою непокорность, свою гордость, но не могу. Я песчинка в этом мире, всего лишь маленькая песчинка... Слабая и хрупкая веточка, а напротив стихия бушующая и ей ничего не стоит меня сломать.

Он заходит в комнату, как обычно тихо, словно зверь подбирается к добыче. И вроде бы не слышно шагов, но они бьют колоколом в голове! Бам-бам-бам...

Прикрывает дверь, не запирает, просто для проформы делает. Сюда никто не поднимается. Он запрещает им входить, даже еду приносит сам. Каждый. Чёртов. День. Стережёт меня

как дракон своё яйцо. Стережёт и измывается! И он уже прекрасно понял, что ласка не поможет... прикинуться хорошеньким мальчиком – тоже не прокатит.

– Снова не ела... – зло чеканит.

Не реагирую, уводя глаза в сторону. Хочу вывалить на голову «любовно» собранный завтрак и ударить, бить так часто и сильно, чтобы до конца... до самого конца. Насмерть!

Раздражённо выдыхает, оценивая молчание – его это бесит, выводит из себя. Иногда мне кажется, что я на волоске от того, чтобы он разодрал голыми руками... Но ублюдох сдерживается. Каждый грёбанный раз вижу искры в глазах и дикое желание заставить, но не делает. Больше не заставляет насильно – всерьёз опасаясь сломать до конца.

А мне хочется, чтобы дал волю эмоциям. Пусть раздерёт, пусть прекратит это!

Я больше не могу...

У меня нет сил, просто нет. Я позорно сдалась. Выдохлась. НЕ МОГУ БОЛЬШЕ!!! Но вслух этого не скажу никогда, хоть режь – не скажу!

– Не дотянулась, – демонстративно поднимаю запястья, показывая наручники, которыми приковывает.

Это, к слову, наказание, но и относительная защита. Причинять мне физическую боль, он не хочет. Уже оторвался – последствия не понравились, а я иногда думаю, что неплохо было бы повторить. Именно последнюю фазу. Это страшно, но это выход. Хоть какой-то выход...

Онемение губ, секунды страха, вязкость во рту и спасительная темнота. Мне всё равно что будет дальше, хоть что... пусть хоть что.

Я не могу так жить... больше нет.

Когда ты не можешь управлять ситуацией, даже ТАКОЕ, кажется спасением.

– Не пизди, – ухмыляется, пытаюсь перекрутить разговор.

Отрываю глаза от простыни смотря в глаза. Я не часто вижу его в хорошем настроении, как правило он сразу недовольный, какой-то дёрганный и бесконечно злой приходит. Отрывистые фразы, холодные руки и взгляд, от которого сжимается в груди... а тут, словно флиртовать пришёл. Надо же... опять хороший мальчик.

Присаживается на кровать и сразу же на голые ступни ложится рука. Дергаюсь, стараюсь отползти назад, но ему нужно всего нечего чтобы из ласкового поглаживания превратить прикосновения в тиски.

Сдавливает, намеренно причиняя лёгкую боль – наказывает, скотина. Будет синяк... но чёрта с два я буду просить отпустить. Не дождётся! Я когда-то умоляла, а он игнорировал. Делал это демонстративно, жестоко и с полным превосходством во взгляде. Мстит мне... тварь.

– Как прошёл день, зайка?

Улыбается, окатывает лицо взглядом и ещё шире тянет губы в улыбке. Внутренне передёргивает. Отчаянно хочу обхватить себя руками, чтобы создать хотя-бы небольшую иллюзию защиты, но сделать так – это показать, как мне плохо... а я не хочу давать ему такой услады для глаз. Никогда!

– Так же, как и все предыдущие.

– Скучно у тебя...

Сжимаю зубы, не ведясь на откровенную провокацию.

Поглаживает ноги, взгляд плавно скользит на бедра. Прослеживаю и сердце против воли ускоряется. Двигается чуть ближе, приятный парфюм щекочет ноздри, а всё внутри сжимается от отвращения и страха. От него сейчас всем пахнет: пылью. Женскими духами, алкоголем и ещё чем-то сладковатым... может быть ещё одной женщиной.

Какая же ты тварь... Издеваешься надо мной и ещё кого-то пользуешь...

Смотрю в глаза, но молчу, если скажу, будет воспринято как ревность, а это не ревность... У меня нет и никогда не будет стокгольмского синдрома. Хрен ему.

Взгляд съезжает с глаз на губы. Он меня хочет, а меня тошнит, буквально наизнанку выворачивает от одной только мысли.

– А ведь можно иначе, – притягивает за руку ближе к себе, глубоко вдыхает запах моих волос, а следом касается тонкой кожи над ключицей носом. – Ты же знаешь, всё может быть иначе.

Пальцы проходятся по кистям, ласкают и в какой-то мере греют, но от этого только хуже. Титаническим усилием воли вынуждаю себя не двигаться и глушу очередную паническую атаку. Больше не хочу бессознательной куклой быть. Боюсь этого, очень сильно боюсь. Пограничное состояние страшнее даже такой недо-жизни.

Прижимает к себе вплотную, откровенно наслаждаясь моим телом, хочет в душу, но это единственное место, где я могу поставить блок. И ставлю! Каждый раз! Никогда ему не достанется там место. Таким как он место только в аду, в котле с чертями! Ненавижу.

– Прости меня... Прости меня, – тягучий, какой-то до омерзения интимный шепот. Зверю.

Сколько раз я слышала это? М-м-м... очень много, слишком много раз.

Вдох, выдох и в следующую секунду губы находят губы. Целует, прижимает к себе сильнее и сильнее, кайфуя от того, что делает. Лишает воли, воздуха и в очередной раз размазывает во мне личность.

Чтобы ты сдох.

Закрываю глаза, мысленно уходя в очередные воспоминания...

«Ты должна выжить в любой ситуации, даже если нужно будет наступить себе на горло. Просто выжить. Всё остальное потом.»

Папа смотрит в глаза, а я улыбаюсь, потому что это всё про другую реальность, в моей – не надо выживать, в моей всё хорошо...

Жаль папа, что я так и не научилась выживать любым путём. Не могу себя пересилить. Внутри ад пожирает. Я себя ненавижу, понимаешь? Пап... я находясь в руках человека лишившего меня даже права дышать когда захочу. Теперь это его прерогатива – этот ублюдок посчитал, что может сделать из меня куклу... и делает это...

Я хочу домой... я так сильно хочу домой.

В глухом одиночестве, единственным развлечением служили воспоминания. Просыпалась в слезах от собственных криков, в которых просила забрать меня обратно. Я умоляла меня забрать. Но... шли дни, а я так и не была услышана. Никто не услышал...

– Блять! – раздражённо шипит, не получая от меня достойного своим стараниям отклика.

Хватка на шее вынуждает тихо застонать от боли. Смотрит в глаза сжимая пальцы, встряхивает меня, сжимает ещё сильнее до искр из глаз, но когда начинаю хвататься за руки, стуча кандалами – попускает и словно опомнившись, прижимается своим лбом к моему. Глотаю рывками воздух. Это каждый раз страшно... но он так делает из раза в раз, а я привыкаю. тяжело дышит, прикрыв глаза. Больно, но больше не звука. Если бы я не была научена горьким опытом, то вырывалась и кричала, но я уже знаю каким ОН, может быть, в ярости.

– Почему? – тихо шепчет, обхватывая лицо ладонями.

Сдавливает скулы, заглядывает в глаза, словно у нас любовь, а я всё рушу.

Мразь...

И да, это ещё одна его грань. Он может быть чертовски нежным, милым и искренним, когда нужно, но когда устаёт... когда устаёт и выходит из себя мне хочется, чтобы я закрыла глаза и больше не открывала их.

– Мне нужен врач, – шепчу пересохшими губами.

Психует, резко отпускает, рывком поднимается с постели. Шумно дышит, стоя ко мне спиной. Я опять выбесила. Это не ярость, в ярости он не такой... но это что-то очень близкое к этому – некое пограничное состояние, ещё немного и всё.

Темно-серая майка плотно обхватывает тренированную спину, я вижу, как под тканью перекачиваются мышцы. Этот парень никогда не был нормальным, я почувствовала это сразу – в самую первую, в роковую, встречу.

– Пожалуйста...

Мне хочется заорать, выплеснуть всё, довести себя и его. Довести до состояния, когда он уберётся отсюда, чтобы не сломать любимую игрушку собственными руками.

– Я сказал – нет! Ты не выйдешь отсюда, пока не будешь делать то, что нужно! Сколько повторять?!

Давлюсь сгустившимся воздухом, но всё-таки выталкиваю хриплое:

– Мне нужен врач... Я не знаю, что со мной, понимаешь? Мне дико больно и страшно...

Хищно оборачивается, стреляя сразу в глаза, ввинчивая этим к полу. Раньше я бы испугалась, но сейчас только ва-банк иду.

– Выпей обезболивающее, – кивок на тумбочку, где лежит блистер с двумя таблетками. – Не еби мозги – тебе ничего не угрожает.

Поджимаю губы, опуская глаза на лодыжки. Попытка снова провалена.

Изворотливая тварина. Блистер с двумя таблетками, охрана внизу лестницы, сам еду приносите и проверяете ежедневно, а когда не может приехать – запирает и еды приносит больше. Я вижу лестницу только когда открывается дверь... и у меня не было даже призрачной возможности сбежать.

– Всё что было нужно – тебе сделали. Всё нормально. – нажимает интонацией.

Молчу.

Что ему ответит? Всё что хочу ответить – вынесет и у меня нет моральных сил вывозить такое.

Ещё некоторое время смотрит, говорит про еду, бесится, что особо не ем и вскоре уходит откуда пришёл.

Хлопок двери, лязг замка, минутная тишина, а потом голоса внизу. Разные голоса... женские, мужские... музыка.

Окидываю комнату усталым взглядом. Ненавижу это место и сожгу его первым, как только будет такая возможность.

Первые дни давил скошенный потолок у снования кровати, но сейчас уже привыкла. Привыкла и к однообразному пейзажу за окном, за окном с решёткой. Я в полной безопасности...

Господи... когда же это закончится.

А тем временем на улице тёплая весна. Когда меня, демонстративно, как собаку не пристёгивают к кровати, я подхожу к окну и смотрю вдаль на поднимающееся солнце. Смрю и плачу. Глупая и наивная девочка, попавшая в замес двух семей. О-о-о мне популярно объяснили, за что я тут.

Я его триггер, и чтобы укусить больше – всё вот это. Есть ещё маленькое, «но». Спасение или проклятие, не знаю, но без этого факта, мною бы пользовались все, тоже в наказание: презирает меня и хочет. Где-то в глубине души -злорадствую. Пусть так, пусть лучше так. Понимаю, что нравлюсь, что себе хотел, но не досталась. Периодами ненавидит меня, убить хочет, но тянется как кот и жмётся, словно я единственная женщина на земле. Больной урод.

Взрыв хохота на первом этаже, заставляет обернуться на дверь. Не знаю кто там, но веселье быстро набрало обороты. Хочу, чтобы он сгорел в аду, чтобы из раза в раз его жгли! Меня пристегнул, а сам бухает там внизу, радуясь жизни, когда я тут не могу даже до туалета дойти, пока не придёт и не отстегнёт.

Слёзы злости текут по щекам, обжигая кожу.

Я тут как собака на поводке, полностью беспомощна и растоптана. А самое противное это то, что я на волоске от того, чтобы не согласиться с его предложением.

Стыдно и глухо внутри... и дико страшно до сих пор.

Помощь ждать уже бессмысленно, я это поняла, прождав почти месяц. Месяц в сознании, без накатывающей слабости и потерь сознания. Я пришла в себя через четыре дня, с капельницей в вене. У меня даже сил испугаться не было. Но пугаться было чего... Не знаю, что это было, но через сутки – остановилось сердце. Просто перестало биться.

Слушала рассказ незнакомого мужчины, скрупулёзно поправляющего систему и вспыхивающие воспоминания глушили страх, порождая на его месте отчаяние. Я всё помнила. Помнила, как он меня... как...

И пожалела, что не умерла, что каким-то чудным образом откачали и даже умудрились перевезти куда-то.

Это унизительно и грязно, а ещё от этого не отмыться. Никогда!

Когда смотришь программы про жертв насилия, сопереживаешь им, но на себя не примеряешь, потому что... потому что не со мной! А если вдруг со мной, то всё можно пережить...

Не всё... поверьте, не всё.

Очень сложно подняться, отряхнуться и пойти дальше. Ты не можешь пойти, ты ползёшь, замирая каждую секунду теряя то веру, то силы. Ты всё помнишь и воспоминания хуже страха.

Чужие руки и губы, полная потеря безопасности и отчаяние, затмевающее всё самое светлое, что у тебя когда-то было. Я не знаю, как ещё не сошла с ума.

И я никогда не прощу. НИКОГДА!

Топот ног, девичий смех, басы и веселье заканчивается ближе к трём часам ночи. Периодически поглядываю на дверь, мысленно призывая сюда хоть кого-то... пусть даже барышню. Пусть увидит и позовёт помощь... пусть, хоть как-то.

Не могу спать, когда у них очередной кутёж. Я уже давно не могу спать... и есть тоже не могу. Если не вырвусь, то всё равно тут умру.

Когда ближе к половине четвёртого открывается дверь, я уже чётко знаю, что сделаю.

– Паш... – тихо зову в темноте.

Мужчина на пороге замирает. У него уходит несколько секунд на осознание – я действительно назвала его имя и как только он это понимает, резко включается свет. Глаза, привыкшие к темноте, начинают слезиться, а это сейчас как нельзя кстати.

Пусть всё получится... умоляю.

Посетитель жадно шарит по мне глазами. А я... я всё той же позе, что и была вечером, всё в той же одежде и всё там же.

Голубые глаза блуждают по телу, натурально касаются его и только после быстрого осмотра, смотрит в глаза. Выглядит подозрительным, готовится к чему-то, но молчит. Ждёт что выкину. За полтора месяца мы неплохо друг друга изучили. Он ещё помнит, как я в отчаяние кидалась к выходу, как билась и кричала. Надеюсь, это будет сниться ему в страшных снах, пусть преследует ночами, пусть изведёт!

– Отстегни пожалуйста, я больше не могу, – киваю в сторону уборной, максимально изображая страдания.

Несколько секунд всматривается в глаза, но после подходит ближе и без слов отстёгивает наручники, и я срываюсь с места, чтобы закрыться в туалете. На самом деле мне не надо... это передышка. Смотрю на себя в отражении плитки. Зеркала у меня тоже под запретом... видимо, чтобы не нанесла себе же вреда. Игрушкой хочется играть...

Через пару минут выхожу, стирая с лица капли воды. Паша сидит на кровати, широко расставив ноги и опираясь на них руками. Выжидает. У него немигающий взгляд и зрачок расширенный... От этого тоже тошнит. Я таких как он боялась, как отец начал пропаганду, так и боялась...

Где-то внутри так искрит, так тянет, так болит, что доводы разума просто не находят себе место, задвинутые шквалистыми эмоциями. Моё терпение закончилось.

Плавный шаг в его сторону. Плавный, мягкий, тягучий... Голубые глаза скатываются на ступни и медленно ползут вверх, словно не взглядом, а руками ведёт.

Я просто это сделаю и всё... нужно просто сделать.

Сжимаю зубы. Не могу воспринимать его как мужчину. Он не мужчина и никогда им не станет! Таким как он этого не дано.

Отвожу взгляд, смотрю в стену напротив. Противно до спазмов в желудке. Он как-то сказал, что сделал для меня максимум... видимо максимум это кровать, кандалы и его общество... А, ну да, в моём распоряжении целая комната и маленькая уборная, в которой есть душ, туалет и стиральная машинка с функцией сушки. Вот такой у меня оказался максимум... не много, не правда-ли?

Поднимается с постели, перекрывая собой всё пространство, торможу. Паша подходит вплотную, взгляд осмысленный, но мутный, как будто бы из-под толщи воды на меня смотрит. Нет явной агрессии, но её улавливаю каким-то шестым чувством. И то, что он не совсем адекватен – тоже понимаю. Я просто знаю и брезгую. Так сильно брезгую, что липким потом обливаюсь.

Этот человек столько раз делал мне больно словами и действиями, что зарубки негде ставить. Сейчас тоже хочет сделать больно, наказать за несбывшиеся хотелки.

Хорошая девочка, из хорошей семьи не могла попасть в такую передрыгу, но как мы выяснили ранее, я не хорошая девочка. Уже нет.

– Ты какая-то странная... – с прищуром произносит.

Опускаю глаза в пол, неопределённо пожимая плечами. От него несёт всем на свете. Тут, в заточении, я очень остро стала реагировать на запахи.

Раздирает от омерзения. Он на дне и меня за собой тащит.

Паша подхватывает подбородок, вынуждает смотреть в глаза. И я смотрю, не скрывая набегающих слёз. Это слёзы бессильной ярости и боли, но он подумает иначе, потому что я говорю:

– Я так устала, Паша, я так устала... И мне страшно... – голос дрожит, дыхание сбивается и под конец, совсем исчезает.

Следующее, что я делаю – обнимаю. Крепко-крепко прижимаюсь, утыкаюсь носом в шею, содрогаясь от рыданий. Нужно просто поверить в то, что он большой и сильный, а я маленькая и слабая, и именно у него ищу защиты... просто поверить. Потому что, если не поверю я – он тоже не купится.

Плачу, жмусь сильнее, чувствуя тошнотворный запах сигарет, алкоголя и женщины, любящей приторные духи.

Как же меня тошнит...

На целое мгновение он теряется, но потом приходит в себя, автоматически обнимая. Обхватывает двумя руками и сжимает почти до хруста. Секунда и мир подпрыгивает, потому что Паша резко подсаживается и подхватив под ягодицы сажает на себя.

В голове перезвон, а сердце галопом.

Это не по плану! Не по плану!

Смотрим друг другу в глаза, и он вдруг улыбаться начинает и... и к губам тянуться.

Только не это... Не хочу, не могу! Нет!

Отклоняюсь назад, губы по шее мажут, но не останавливаются, а к ключице присасываются. Облизывает, через ткань кожу прикусывает.

Фу... просто фу!

Секунда и меня к стене придавливает всем своим весом. Сминает, шумно дышит, руками касается. Он целует, а меня ножом режет. Противно и тошно.

Прижимаю ладони к лицу и плачу. Натурально плачу: громко, горько с надрывом. Я не играю, мне действительно больно от бессильной ярости и того насколько грязной себя ощущаю. Кислотой разъедает кости.

Не трогай меня... не касайся... не смей!

Паша замирает. Руки всё так же крепко удерживают на месте, но он больше не целует и это начинает радовать. Хоть что-то...

– Оксан... – с сожалением, на выдохе.

Качаю головой и вновь захожусь рыданиями. Паша гулко выдыхает, прижимает крепче, что-то говорит, но я не слышу – мне не просто плохо, мне ужасно. Я не обнимать его готова, а руки на шее сомкнуть и душить! Так, чтобы позвонки под пальцами хрустели! Подходит к кровати, садится сам и меня на себя удобнее пересаживает, правда в этот раз ноги плотно сомкнуты. Сжимаю колени ещё плотнее, а он двумя руками жмёт и в плечо лбом утыкается.

В этот момент решаю, что уже пора. Другого такого случая может не представится. Эмоции вокруг сгущают воздух, я медленно выдыхаю, глуша очередной всхлип и даю воле внутренней суе, которая точно это вывезет.

– Почему вы так со мной... почему со мной?! Что я вам всем сделала?! – кричу, в грудь его пихаю, всю злость вкладывая. – Прицепились не оторвать. Отвалите! Я жить хочу, просто жить хочу!!! Я ничего вам не должна и не обязана ничем!

Паша перехватывает руки, старается удержать, но куда там, я в ярости и не сбавляя темпа, ору дальше. Ору так, что горло режет. Прямо вот так, в лицо его ошалевшее:

– Что ты, что он! Вы меня принуждаете, ненавижу! **НЕНАВИЖУ!!!** Чё баб свободных в стране нет?! Какого хрена нужно от меня?! Отвалите! **ОТВАЛИ!**

Судорога ярости искажает лицо напротив, и я не успеваю испугаться, как он заваливает меня на спину прямо на кровать. Перехватывает запястья одной рукой над головой вытягивая, а сам придавливает собой, так сильно что не вырваться. Задыхаюсь мгновенно. Но самое страшное это то, что он второй рукой сжимает шею... как тогда сжимал.

Затишаю, смотря огромными глазами в его спокойные. Воспоминания накатывают колючей волной. Я всё помню... всё до мельчайших подробностей...

– Что ты несёшь?! Ты с ним по курортам шаталась и трахалась как позовёт. Бежала в припрыжку!

В жилах стынет кровь, но отступать уже некуда.

– Он такой же урод, как и ты, слова «НЕТ» не знает! Ненавижу вас ублюдки чёртовы!

Глаза зажимаю, ору, брыкаюсь, изворачиваюсь, но он психует и поднимается сам. Подскакиваю следом, дальше по постели двигаюсь. Паша гвоздит бешеным взглядом, словно наяву видит, как мы жили на самом деле.

– Не гони. – зло выплёвывает.

Подпрыгиваю на ноги, возвышаясь. Терять уже давно нечего. В грудь ему пальцем тычу.

– Я не обязана перед тобой душу раскрывать! Ты знать не знаешь, что было за это время, понял?! Ты меня не знаешь!!! Больные уроды. Ублюдки. Бабки есть и всё можно решили! Уроды! Мне этого не нужно! Понятно?! Не надо! Денег ваших чёртовых, тачек и прочего дерьма. Подавитесь всем этим!

Закрываю лицо руками, падаю на колени и реву.

Паша молчит.

– Хочешь сказать, что этот уёбок тебя заставил? – голос тише звучит, до противного участливо.

– Да пошёл ты!

Секунда и он вновь рядом оказывается, в объятия тянет. Обнимает, в висок целует, баюкает как маленькую.

Уроде ненормальный.

Опять роль хорошего парня играет. Обнимает так, словно любит и я самое дорогое что у него есть.

Кожу жжёт, но терплю, скриплю зубами и терплю.

Чужие руки, ласки и дыхание на волосах.

Он больной на всю голову. Изощённый садист, которого нужно запереть в клетке на всю оставшуюся жизнь.

Ненавижу...

Постепенно градус снижается, он меня плачущую на руки берёт, на кровать садится, а после и вовсе ложится, пристраивая на себе. Гладит по спине, успокаивает, говорит какую-то хренотень. Срывается на рык, когда вспоминает моего мужчину, но как только переключается, снова нормальный. Он грозит его закопать. Мол, для этого всё сделал, что ещё немного и передел будет, тогда он, Пашка, всё себе вернет. Много говорит... долго. Говорит, что жалеет, что с психа от отца ушёл в свободное плавание, а ещё подробно рассказывает, как меня увидел... влюбился.

– Всё хорошо у нас будет, ты больше не будешь его бояться. Сдохнет как собака – обещаю. Он и его тупорылые братья. У них ничего нет, ни тыла, ни поддержки. Всё как надо будет.

Говорит, говорит... Слова как вода сквозь песок. Внутри леденеет, но я всё равно слушаю. Мне не оставили выбора, только страшное не это, а то, что он в принципе решил откровенничать. Это значит только одно – не боится, что информация уйдёт дальше...

Он не отпустит. Никогда...

Стокгольмский синдром – на него надеется, больше, чем уверена.

Только вот не будет этого! Невозможно! Я же всё помню: чужие руки, скользящие по безвольному телу, срывающийся шёпот, жар и ненависть во взгляде, когда другое имя назвала...

Паша не простил... не убил, но не простил. Унижал, принуждал, оскорблял, к кровати приковал в конце концов... он и сейчас измывается, всё никак не может успокоиться.

У него ко мне не здоровая тяга. Болезненная, долгая и мучительная для нас двоих. И меня он мучить собрался куда как больше, чем горит сам.

Паша говорит и говорит, а потом решает, что я уснула. Целует в макушку, поглаживает плечо и сам не замечает, как проваливается в сон.

Он засыпает, оставив открытой дверь и сняв с меня наручники... и это то единственное, за что я цепляюсь. Моё тело устало и измучено, я ничего толком не ела, но я жду... жду, когда уснёт ещё крепче.

За окном активно светает, а я выжидаю ещё немного. Пошевелиться раньше времени опасно и дико страшно. Прислушиваюсь к тишине дома и к его мерному дыханию. Тяжелая ладонь начинает медленно сползать с плеча и вот тогда я решаюсь. Аккуратно выпутываюсь из объятий, очень медленно поднимаюсь с кровати, готовая каждую секунду придумать оправдание, если он резко откроет глаза.

Замираю на каждом шагу и дышать боюсь. Голова кружится и в горле сухо... Отхожу к двери спиной постоянно вглядываясь в лицо.

Спи... пожалуйста, спи...

Я хочу домой...

Просто спи...

Я навсегда запомню: как спускалась по лестнице, как пугливо тормозила на каждом шагу боясь глубоко вдохнуть, как голова кружилась от тахикардии.

Молилась. Просто молилась дойти вниз и открыть эту чёртову дверь.

Видимо кто-то там, свыше, благоволит мне, потому что в коридоре, у самой двери, мужская обувь и толстовка. Прищуриваюсь, всматриваясь в лежащее на полу. Адреналин шкворчит по венам, забивая голову гулом.

Слышится скрип.

Резко выпрямлюсь, не зная куда смотреть, взгляд мечется по сторонам.

Кто там? Кто там может быть?

Перехватывает дыхание. В шаге от меня дверь, а за ней свобода... всё так рядом. Протяни руку и всё закончится.

Ещё раз смотрю на лестницу. Облизываю пересохшие губы и снова к двери поворачиваюсь. Тянусь к ручке, держа в руке ботинки с толстовкой. Легонько тяну ручку вниз, но она... она не поддаётся.

Закрыто.

Чёрт! Чёрт! Чё-ё-ёрт!

Отчаяние сковывает тело, а по щекам слёзы.

Нет... пожалуйста, нет...

И времени нет... каждую секунду сюда может кто-то выглянуть и всё начнётся заново. Стараюсь действовать тихо, но быстро. Ощупываю стены в надежде найти ключи. Сердце так тарбанит, что кажется именно оно меня и выдаёт. Я ничего не слышу, кроме него...

Тихо-тихо-тихо, успокойся...

Выдыхаю. На секунду замуриваясь и снова начинаю искать...

Вожу ладонью по двери в надежде на щеколду. Почти отчаиваюсь, но вдруг пальцы касаются тоненького прутика, и я понимаю, что это она. Она!

Скрип, толчок и первый вдох свежего воздуха.

Не тормозя и не оглядываясь, я бегу вперёд, настолько быстро, насколько могу... Бегу не чувствуя, как маленькие камушки врезаются в голые ступни, а воздух обжигает лёгкие. Там впереди рассвет и я его вижу... бегу к нему, бегу вопреки.

Мимо пролетают ветхие домики, слышно отголоски трассы и лай собаки вдалеке. Я хочу свернуть к дороге, побежать туда, где машины, но это первое место, в котором он будет искать, поэтому выбираю поле.

Чтобы ты сдох, тварь... я тебе не достанусь, не живая точно.

Глава 2

Фархад

Бесчисленное количество бумаг. Рубашка давит горло, а молоденькая секретарша ставит чашку кофе на стол широко улыбаясь. Не реагирую. Не до неё сейчас. Новые партнёры мудрят, нужно разобраться. Тут легальный бизнес, всё должно быть так, чтобы не придрались на срок. Не до баб.

Мой удел цифры. Все спорные ситуации только через мои руки и не важно, что целый штат на подхвате. Отец вышколил до автоматизма. Если ты не держишь ситуацию в своих руках, то её держит кто-то другой. Сначала ситуацию, а потом и тебя за жопу.

Я не гений и конечно не всегда был таким. В подростковом возрасте домашние думали – разнесу всю округу, похлеще Армана иногда выходило. То авария в пьяном угаре, то дебош на трезвую голову. Как удержался на плаву, не знаю.

У меня было всё, что хотел: бабки, бабы, положение и весь мир перед носом, живи не хочу. Я и куролесил как мог.

В какой-то мент отцу надоело и меня взяли за узды, жестко и непреклонно. Он тогда сказал:

– Хватит, детство на этом закончилось.

И обрубил одним махом.

Сейчас с улыбкой вспоминаю трепыхания и не желание подчиняться. Я шел наперекор в любом вопросе, даже если согласен был, зубы показывал на каждое слово. А потом... Раз и всё.

Это с молоком матери – семья святое.

Мой отец был прекрасным психологом, не обладая конкретным образованием, но умел так разложить, что сам начинаешь в это верить. Вот и мне разложили. А после я и сам не дёргался – осознал наконец-то.

До этого, именно отец сидел в кресле, я был на побегушках и в вечных пиздюлях. Я один, братья – нет. Не очень справедливо, но это такт.

Говорят, что средние дети растут сами по себе, на старших возлагают ответственность, младших любят, а средние... просто есть. Вашу мать... вы просто не знали такого человека как наш отец. Хотя, правда в этом во всём всё-таки есть – с младшим нам не повезло. Как был шалопаем, так и есть. Заниматься его воспитанием у меня нет не сил, не желания.

Женить бы его... Пусть утомонится и займётся тем, чем надо.

Женитьба... Легко и сложно. Семья – та самая база, которая удержит от всевозможной херни в жизни. А у нас не так просто жениться. Не потому, что есть какие-то табу или прочая романтизированная хренота – нет.

Мы, блять, впитываем понятие о том какая должна быть жена с самого детства. И пусть матери у меня практически не было, я живой её не помню, но я чётко знаю какая мать должна быть у моих детей.

Жену не выбирают из-за принципа «люблю её» жена – это мать. Жена, та женщина к которой хочется вернуться, которую приятно видеть рядом, слышать её голос, делить с ней дом, детей, радость и возможное горе. Поэтому проще выбрать «нашу» она сразу знает, что от неё ожидают.

Проще выбрать... проще, блять... Когда мне было проще в последний раз? Не помню такого.

Мы не вечны и не идеальны, к сожалению, но всё равно хочется идеала. И я думал, что нашёл. Наивный.

Тушу окурок и сажусь обратно в кресло, опуская глаза на бумаги, которые исполосовал вдоль и поперёк. Моя привычка делать размашистые пометки на полях с института никуда не делась. Когда всех учили пользоваться компом, наш препод давил на «работу руками». Говорил, что так чётче мысли формируются и забыть сложнее. Чёртов старикашка с замашками деспота, был прав как никогда.

Плавный вдох и спокойный выдох. Снова смотрю на записи, пытаюсь погрузиться в работу, но мозг ухитряется подкидывать совсем не то: перед глазами – девчонка кареглазая, с копной тёмных волос – нежная, мягкая, совсем молоденькая, наша девочка...

Блять...

Вспоминаю невесту и ничего не чувствую, она как сестра младшая: оберегать, баловать, по голове гладить, подарочки дарить... какая она мне жена?

Не вижу в ней женщины. Стыдно признаться, но в штанах даже не дёргается.

Жена твою мать... как с ней спать то с этой женой. Ребёнка ещё заделать крохе этой. Пиздец полный.

Она лучше бы подошла нашему младшему. Там и уровень один и возрастом они больше подходят, может быть, на лайте всё прошло, не то что со мной, прожжённым циником, который привык трахаться до искр из глаз партнёрши.

С этой то, как... Твою мать.

Была бы возможность – ещё бы пару лет её промариновал, пусть подрастает там пока. Но, увы, возможности уже нет. Придётся жениться.

Сжимаю зубы и выгоняю навязанные мысли: Галиева этого, к чертям собачьим, пусть радуется, что может как-то на меня влиять, я позже это припомню. Решил потыкать обычаями... старый хрен. Если бы не перспектива, сам чёрт не заставил меня взять её в жёны и с ним родниться. Я бы лучше брата доломал на крайний случай. Но увы... сам это Дава не потянет, придётся мне. Арман в этой игре, к сожалению, не участник. Да он бы и не стал, если «невеста» для меня малышка, для него и подавно...

Кручу в руках паркер. Нахожу несостыковку в цифрах и делаю пометку. Ошибка это или специальная диверсия – выясню позже. Нужно напрямчь юридически отдел. Может быть паранойя, шестое чувство или ещё какая-то хуйня, но я чувствую глобальный пиздец. Что-то не так – нутром чувствую. Понять не могу, где, но это точно есть, где-то притаилось и смотрит... Проснулся с этим ощущение и никак не могу отделаться.

Откидываюсь на спинку, закладываю руки за голову и прикрываю глаза, прокручивая информацию: Галиев рвётся со своей дочуркой, Шариатов из кожи вон лезет с этим контрактом, где-то по мелочи гадят на объектах, Бухаров пытается мутить за спиной с конкурентами. И вроде ровно всё, понятно и как всегда, но... определяющее слово «вроде». Внутри поднимается какая-то буря. Пылит и разум застилает, не могу зацепиться за ниточку, что-то ускользает постоянно.

Как итог, заканчиваю поздно, прыгаю в машину и по знакомому адресу еду. На автомате еду. Ждёт или не ждёт, уже не спрашиваю.

Улица сменяет улицу, тяжелые мысли кружат голову, а рот снова и снова обжигает привкусом дыма. В какой-то момент руки сами набирают номер младшего. Один гудок, второй, а на третьем он всё-таки принимает входящий. Начинаю сразу с дела:

– Разговор есть.

Давид, на том конце трубки, кого-то шлёт на хер и спустя пару секунд, фоновый шум вечеринки сменяет тишина.

– А я-то думал, соскучился... – театрально хмыкает и затягивается, шумно выдыхая.

Игнорирую. Заталкиваю желание дать пиздюлей за разгульную жизнь мелкого. Пока я тут с жопой в мыле стараюсь для всех и для него тоже, он страдает хуйнёй. Засранец.

– Мне нужна твоя голова в офисе. Завтра. Скину инфу, посмотри, подумай.

Голос ровный, но в голове на разрыв. Никто не знает, насколько тяжело даётся мнимое спокойствие и холоднокровие. Будем верить, что я не сдохну от инсульта с такой жизнью раньше времени.

– Да блять! Я экзамен что-ли сдаю опять?!

Психует, а я руль крепче сжимаю, борясь за остатки самообладания. Дерьмовый характер младшего выносит всех – я совсем не исключение из правила. Иногда хочется просто дать в морду, чтобы очухался и перестал пушить там, где, сука, этого делать не надо! Перед бабами канает, в делах семьи – нет. Придурок.

– Нужно мнение, – давлё интонацией. – твоё.

– Стареешь что-ли?

Прищуриваюсь. После смерти отца мы с ним на ножах. Забил сначала на этот факт, а позже решил, что так дело не пойдёт... Мы одна семья, прикрываем друг друга, придется как-то подстраиваться друг под друга – без бабских истерик.

– Не налакайся там вусмерть, иначе толков от тебя будет ноль.

– Как скажешь, папочка.

Раздражённо выплёвывает и отключается.

Салон тут же заполняет спокойная мелодия. Ползущая пробка даёт шанс вновь окунуться в мысли, а их слишком много тридцатиминутного промедления.

По привычке всё, по структуре, без сантиментов и эмоций. Плюсы, минусы, возможные риски, причинно-следственные связи, форс-мажоры. Мы люди, и мы делаем ошибки. Иногда фатальные, но всегда учимся на них. К сожалению, только на своих, на чужих – нет. Мне приходится очень много анализировать, бесконечно много...

Когда у тебя в руках пульт от водопада с возможностью менять скорость падения воды – это прикольно. Когда ты понимаешь, что на самом деле – это водопад управляет тобой с пультом в руках – это совсем другое.

В моей голове до хрена всего такого, чего обычный человек не вывез бы даже на двух горбах. А я тащу всё это на одном... каждый отведённый Всевышним день...

И у меня нет не права облажаться, не права от всего отказаться. Я не выбирал эту жизнь, но я иду этим путём. Если не я, то кто-то другой, поэтому – лучше я. Большие бабки и влияние кружат голову до слетевших тормозов и так же эффективно вправляют мозг, потому что нет ничего более не безопасного, чем большое влияние. Оглянуться не успеешь, как тебя нагнут и трахнут. Не важно кто: конкуренты, менты, вчерашние друзья. Рука всегда на пульсе.

До места добираюсь достаточно быстро. Паркинг, лифт, коридор, знакомая дверь, бряканье ключей, щелчок замка – и мягкая улыбка, нежная, такая же лёгкая, как халатик на плечах. Она всегда так встречает: прислоняется к косяку и в глаза смотрит улыбаясь. И она мне рада...

– Ждёшь?

На носочках бежит, с разгона сразу в руки прыгает.

– Конечно жду.

Лерка кружит вокруг, даря иллюзию покоя и тепла. Я, наверное, и пришёл месяц назад опять к ней именно за этим. Суррогат, но мне отчаянно хотелось чего-то такого. Когда внутри один пепел, который ты щедро поливаешь смесью для розжига, в какой-то момент устаёшь. Мне с головой хватило одноразовых связей за жизнь. Не хочу...

Она, так, другая перевернула и вывернула наизнанку. Заставила гореть изнутри... и я горел. Думал про неё и горел не зная, как переключиться на что-то другое, а потом вспомнил про Лерку – она широко улыбнулась и обняла. Горячая, открытая, ласковая как кошечка. У меня тумблер сорвало сразу – трахал её сутки, наверное.

Красивая и сексуальная Лера не знает слова нет. За пару лет, что она со мной, я только один раз её оставил... Я был честен, как тогда, так и сейчас.

Увидел её случайно, просто взглядом зацепился и понял, что нравится. Пепельные волосы, зелёные глаза, хрупкость, гибкость... У этой девочки не было шансов с самого начала. Я просто её заметил и на этом всё. Единственный недостаток этой женщины – её рост. В остальном – идеальна.

– Ты сегодня загруженный, что-то случилось?

Заглядывает в глаза, выводя пальчиком узоры на груди.

Она не жена и делиться с ней чем-то, что касается дел семьи я не буду, но она всё равно каждый раз пытается. Упрямая.

– Много работы.

– А я думала, что ты со мной о работе не думаешь. – чуть поджимает губы, обиженно отводя глаза в сторону.

Обижается, но скрыть хочет. Улыбаюсь. Мне с ней приятно. Не жжёт, не коли и не болит.

– Не бери в голову, просто период такой.

Переворачивается на живот, прижимается подбородком к груди и снова в глаза смотрит. Внутри скребёт, потому что она не просто смотрит, там в глубине глаза обожание, которое, мне не нужно, но самое противное, что вместе с этим там ещё и надежда...

Надеется, глупенькая.

Они все надеются на это.

Меня от неё не скручивает, никогда такого не было, поэтому – нет. Это приятная пауза в нашей жизни, не более. Я для неё хотелки, она для меня тело. Всё просто.

Запутываюсь пальцами в волосах. Лера ласкается как кошечка, в очередной раз мягко улыбаясь.

– Не важно, мне всё равно приятно, что ты приезжаешь.

Пальцы спускаются к шее – ласкаю её, но внутри меня самого – нежности на ноль.

– В какой-то момент я думала, что наскучила и больше не приедешь.

Останавливаюсь, отрывая глаза от приятных глазу изгибов.

Тело мгновенно обдаёт шипящей лавой.

Лера, осознав оплошность вся подбирается, уже пожалев, что ляпнула, но обратно ничего не отмотаешь – я услышал.

В голове начинает звенеть, а сердце разгоняется. Сколько бы не старался не думать, не могу. Всё равно настигает, всё равно догоняет и жалит с каждым разом всё больше и больше.

– Прости-прости-прости. – быстро шепчет, утыкаясь носом в щеку, обвивая торс руками. – Родной мой, любимый, прости меня. Я дура. Идиотка! Не смогла, не сдержалась... Думала умру без тебя, думала, что не придёшь больше. Прости-прости...

Сжимаю челюсть.

Смотрю на любовницу и самому противно. Меня не трогают её слёзы, совсем никак... Её откровенная боль никак не задевает, меня моя захлёстывает с головой. В крови топит, выжимает и вновь окунает.

Сажусь, Лерка отскакивает, но тут же кидается на шею сильно вжимаясь.

Потрахахся блять... Ещё мне истерики женской не хватало.

Заигрался я с ней. Пора прекращать, проще с секретаршей спускать пар. Решил поиграть хотя бы в отдалённо похожую семейную идиллию.

Меня душат её признания. Теперь придётся разруливать, обижая правдой.

А сначала всё хорошо было: я ей квартиру купил, в театре продвинул, она прима теперь, деньги, цацки, всё что хочешь, а она «люблю»... Мало ей... решила в любовь пойти. Дура.

Приходя к Лерке, я эгоистично пользовался телом. Никогда этого не скрывал, а она тихо надеялась. Тихо... до этого дня. Наши отношения были исключительно в этой квартире и не более. Она никогда не появлялась со мной в обществе и не считалась моей женщиной. Для

всех – мы незнакомые люди, которые если и пересекались, то исключительно случайно. Так было удобно, да и безопасно, в первую очередь для неё.

– Я больше не буду, – шепчет с надрывом. – больше не буду. Только не уходи.

Слёзы вытирает, натянуто улыбается всем видом показывая, что это всего лишь временное помутнение и больше такого не будет.

– Всё, видишь, я не плачу и не прошу ничего. Просто не уходи. Я же вижу, что хочешь. Не надо...останься.

Укладываюсь обратно, смотря в идеально ровный потолок.

– Не уйду.

Лерка радостно кивает и ложится вплотную, снова начиная рассказывать про свою работу, потом что-то весёлое и ещё что-то. Не слушаю.

Хуже вечер не сделает, пожалуй, ничего.

Ночью мы ещё раз трахаемся. Лерка старается на тысячу процентов, мгновенно превращаясь из милой и кроткой в прожжённую путану. Сосёт так, что на время я и сам забываю о чём думал, потом резво презерватив натягивает и извиваясь, доводит меня до точки. Сама всё актёрство в ход пускает: симулирует отчаянно, а я делаю вид, что не замечаю.

Я знаю когда женщина реально получает от секса кайф и когда кончает. Она мне пиздит, очень мастерски, но пиздит... Я ненавижу ложь, она это знает, но сегодня так хочет показать, что ей всё равно, что она может проглотить всё что угодно лишь бы обратно вернуться. Она играет, а меня блевать тянет.

Секс с привкусом тлена.

Лучше бы рот не открывала.

Два года её знаю. Никогда не считал эту женщину игрушкой, уважал по-своему, потому что она в отличие от многих с члена на член не прыгала. Если бы прыгала, давно без меня прямой стала, а так...

Сегодня по-бабьи глупо поступила. Я к ней прихожу не для того, чтобы она меня грузила. Мозги мне и так трахают с избытком. Зачем мне баба, с которой больше проблем, чем удовольствий? Она, когда я кончил, увидела и окончательно поняла, как сглупила. Не дура, поэтому, наверное, ещё хожу к ней. Терпеть не могу идиотов.

Притихла, клубочком свернулась и притворилась спящей.

А мне не помогла разрядка, совсем никак. Посмотрел на затылок и ничего... совсем.

Подкурил и вдруг подумал, что пора заканчивать с блондинками, они не сделали мою жизнь приятнее, скорее наоборот. Моя невеста брюнетка, может быть, и сыграет службу. Бред, но я готов цепляться за всё что угодно лишь бы не жгло.

Ранним утром, на кухне уже не думаю о том, что вчера было. Времени на это нет. Впереди новый день и в горка дел, которые придётся решать, включая в работу младшего. Мне есть о чём подумать.

Глубоко затягиваюсь, выдыхая через нос. Чёрный кофе обжигает не хуже едкого дыма. Лерка притаилась в комнате, не провожает, ждёт, когда уйду. Я на взводе, и она знает, что лучше не трогать. Моя агрессия не трансформируется в похоть, поэтому женские уловки не сработают, вот если бы меня отпустило – тогда да, а так... лучше не трогать.

Пиликает телефон, перевожу на него глаза.

Безопасник.

Неприятное онемение под ложечкой расплзается. Он не звонит просто так, да ещё так рано. Принимаю входящий не ожидая ничего хорошего.

Прикрываю на миг глаза, просто чтобы вдохнуть и приготовиться к очередному пиздецу. Шестое чувство вопит недуром, хрен остановишь.

– Она позвонила.

Щелчок, спазм, тишина.

- Когда?
- Пять минут назад.
- Ты знаешь где?
- Уже да.

Воздух сгущается в лёгких, не даёт выдохнуть, но я всё равно слышу, как что-то внутри лопается, отдаваясь импульсом боли в голове. Телефон трещит в руках, а голос безопасника с каждой последующей секундой сходит на нет.

В следующий раз осознаю себя уже в коридоре, наспех надевающим пиджак, а дальше, всё снова окунается в красное марево...

Глава 3

Оксана

Игла пропарывает вену. Больно. Вздрагиваю, смотря как кровь медленно наполняет шприц. В голове всё ещё сумбур не желающий раскладываться по полочкам – полная анархия.

Последние сутки как в тумане.

Бежала вдоль посадок пригибаясь каждый раз, как по трассе проезжала машина. Боялась малейшего шороха. Всё время казалось, что он меня догоняет. Вот-вот и всё.

Если он догонит, то убьёт, не сдержится.

Я больше не могу... не могу!

Озиралась, останавливалась, прислушивалась и снова вперёд бежала.

Не догнал.

Уставшая, выбившаяся из сил, в какой-то момент потеряла концентрацию и повалилась. Недосып, плохое питание и перенапряжение сделали своё дело. Я смотрела на пролетающие по дороге машины и боялась к ним выйти. Трусливо сжалась в комок и ревела как идиотка. Трусливая, беспомощная, жалкая.

Упала на влажную траву, проваливаясь в небытие. Перевернулась на спину, а там расцвет всполохами по небосклону и земля... такая холодная. Лодыжка взорвалась дикой болью. Горячие слёзы беспомощности скатились вниз по щекам. Я больше не могу двигаться... я тут останусь.

Я бы так и лежала, окунаясь в болезненную темень и рывком открывая глаза озираясь по сторонам. Если бы... не случайность. В такие моменты веришь в судьбу и предзнаменования как никогда.

Громкие голоса резанули пространство, заставляя сердце испуганно сжаться.

– Машка, бля, сыкуха! Тебя там маньяк караулит, стопудово!

Басовитый мужской гогот и тоненький девичий голос:

– Иди в жопу, придурок.

Женщина... там женщина!

Кто-то семенит по траве, аккуратно приподнимаюсь, всматриваясь. Дыхание срывается, а к горлу ком подкатывает.

Затянутая в черное платье, в огромной косухе, за посадку, разделяющую трассу и поле, прямо ко мне, матерясь и пробивается сквозь репейники, идёт невысокая девушка. Рыжие кудряшки подпрыгивают от каждого движения незнакомки, а моё дыхание окончательно срывается в пропасть.

Господи... неужели.

Там, за её спиной, на обочине, группа парней на двух машинах. Молодые, громкие, пьяные...

Лихорадочно всматриваюсь в каждого из них, боясь увидеть знакомое лицо.

Безумно страшно... если это его люди... если это они...

Мозг накидывает варианты, а тело одна, сплошная пульсирующая рана. Паша ищет, он точно меня уже ищет.

Господи, пожалуйста, не дай ему меня поймать, умоляю.

Две машины на обочине повод для того, чтобы узнать, что там. Он обязательно догадается, проверит...

Нерешительно поднимаюсь ещё выше и как только девушка подходит ближе и видит меня, начинает истошно кричать.

– Не кричи... не кричи... – сиплю, со страхом смотря на парней.

Всего несколько секунд и двое из них рванули в нашу сторону, а она ладонью рот зажала и смотрит на меня огромными округлившимися глазами.

– Ёб твою мать! Ты чё?!

Добежавший первым парень, хватает рыженькую за плечи и с силой встряхивает.

– Саша... там кажется труп.

Темноволосый парень резко разворачивается в мою сторону и обескураженно шепчет.

– Чё за хуйня...

– Вов, чё там?

Подбежавшие следом стопорят позади парочки и так же внимательно смотрят на меня. Сердце галопом несётся. Сажусь на землю, стараясь делать как можно меньше лишних движений.

Цепкий взгляд впередистоящего парня осматривает с ног до головы. Морщится от отвращения, двигая за свою спину всё ещё опешившую девушку. Кто-то демонстративно затыкает нос, сплёвывает и отворачивается. Это до боли неприятно, но они тут и, кажется, у меня всё ещё есть шанс. Один, очень маленький, но шанс.

– Блять, гашеная похоже, идём отсюда.

Брюнет отворачивается, сжимает локоть девушки и тащит обратно к машинам.

На глазах наворачиваются слёзы.

Нет... нет, пожалуйста...

Девушка оглядывается через плечо на меня, смотрит неуверенно, но всё-таки тормозит и себя и того парня.

– Пожалуйста... можно позвонить... пожалуйста, только один звонок. Умоляю.

– Да пошла ты, – выплевывает один из них опалая брезгливым взглядом.

Смотрю на девушку. Жую губы и смотрю. Если она тоже уйдёт, то все эти даже не попытаются помочь, я для них пропащая... грязь под ногтями, не человек.

– Пожалуйста, пожалуйста. Можете телефон в руки не давать. Просто наберите номер. Пожалуйста...

Опираюсь на руку, ещё больше утопая в грязи. Плевать. Пусть всё что угодно думают... мне нужен всего один звонок.

– Подожди.

Рыженькая вытягивает локоть, не отрывая от меня глаз, а там на дне насыщенно голубых глаза жалость клубиться, но я рада даже этому, лишь бы ад закончился.

У меня больше не осталось сил бороться... совсем.

– С дуба рухнула?! – огрызается парень.

– Отвали.

Отпихивает его и ко мне идёт. Парень остановить пытается, но девушка всё равно упрямо дальше двигается. Звучат до крайности обидные вещи, от которых наворачивается новый поток слёз. Они все что-то галдят, возмущаются, кто-то даже грозит за уши её потащить если не пойдёт сама. Я всё понимаю... выгляжу так, словно живу на самом дне пищевой цепочки... но ей меня жаль, и именно эта жалость двигает хотя бы попытаться помочь. Вижу это в глазах и цепляюсь, как за последний оплот.

Не хочу пугать, не хочу, чтобы она сорвалась с места и убежала, оставив меня в этом положении на трассе. Мы внимание привлекаем, я вижу, как притормаживают водители, как всем интересно становится... И это уже гораздо опаснее, чем можно было бы представить. Я отчаянно нуждаюсь в помощи... я действительно на самом дне.

Тем временем девушка подходит ближе. Несколько парней делают тоже самое. Боятся её со мной оставить.

Боже как же ужасно я сейчас выгляжу, что меня даже мужики опасаются.

– Ты кто?

Садится на корточки, цепко вглядываясь в глаза. От неё пахнет духами и перебродившим алкоголем... и глаза ещё мутные, но я не в том положении чтобы выбирать.

– Оксана.

Кивает, достаёт телефон из кармана.

– Кому звонить будем?

Я хочу сказать, что парню, потом передумываю... не знаю, как сказать, боюсь спугнуть. Она вроде помочь хочет, но готова деру дать в любую секунду, а времени у меня нет и ...

– Мужчине.

– Поругалась с ним?

Отрицательно качая головой. Я с ним не ругалась... совсем.

Диктую цифры, девушка набирает, но на посыл вызова не нажимает, в глаза снова смотрит.

– Это ничего такого... просто мужчина... – поспешно заверяю, смотря только на экран мобильного, молясь чтобы она нажала эту чёртову кнопку!

– Ну, хорошо... надеюсь, ты не врёшь.

Бросает ещё один взгляд, ставит на громкую и только тогда нажимает на маленькую зелёную кнопку. Моё сердце прошибает рёбра.

Один гудок, второй, третий...

Возьми трубку, возьми трубку... пожалуйста.

В какой-то момент отчаяние сжимает горло. Девушка смотрит на меня с какой-то затанцованной печалью, а у меня снова слёзы.

– Может ещё кому-то можно? – тихо подсказывает.

Качаю головой. Кому ещё? Я не знаю кому.

Вздыхает, поднимается на ноги и хочет было сбросить, но относительную тишину взрывает отрывистое и злое:

– Да

Подаюсь вперёд, снова плачу, но только уже от спазмирующего чувства счастья.

– Это Оксана. Слышишь? Это я. Боже...

– Оксана?

Гул проезжающих машин, затихшие парни и мой срывающийся голос:

– Да-да. Это я. Я...

– Где ты?

Шукрат переходит на деловой режим, а меня чуть-чуть попускает... совсем немного.

– Оксана! Где?!

Поднимаю глаза на притихшую девушку.

Я не знаю где... где удобно могу быть...

Сразу после того, как запихнули в машину, я помню только жёсткость обивки сидений под щекой и еще несколько моментов, но дальше... всё как в тумане.

У девушки огромные глаза, но она всё равно тихо проговаривает город. Шукрат психует и заставляет передать телефон мужику если такой есть, потому что с бабами он решать ничего не будет. Я так рада знакомому голосу, что не сразу понимаю очевидное... это личный номер Фархада, но входящий принял не он...

Что-то случилось... что с ним?!

А дальше, моя вселенная закручивается по иному вектору. Я плачу уже не о боли, а от счастья. У моего мужчины длинные руки и громкая фамилия. Её узнают... даже тут, за четыреста километров от дома.

Господи, как далеко... поверить не могу.

– Не больно? – участливый голос медсестры вырывает из воспоминаний.

Неопределённо качаю головой. Надеюсь, она никогда не узнает, что такое по-настоящему больно... К сожалению, я уже знаю и другим такого не желаю.

Мне больно, но эта боль... другая. И это не то, чем хочется поделиться, а тем более с незнакомым человеком... Хотя, они и так знают. Смотрят с сочувствием, от которого воротит. Меня от самой себя воротит, а тут ещё эти полные скорби глаза на каждом шагу. Хочу, чтобы они все вели себя холодно-профессионально, как и все медики, но нет...

Одно радует: в моём городе, а особенно в моём окружении – об этом никто не узнает. Я не расскажу! Никогда и никому этого не расскажу!

Медленно бреду в палату. Запах медикаментов вьелся в кожу, напоминая о том, что я тут вторые сутки. За это время из меня выкачали тонну крови и что-то бесконечно вливают обратно. Что ещё сказать... оказалось, что у меня дикий недобор массы тела и именно поэтому кормить начали на убой. А я не хочу есть – воротит. От всего воротит! Белые стены, сочувствие, шорохи, взгляды... всё!

Провожу взглядом по пространству в который раз отмечая размах. Это не рядовая больница с кучей бабулек – это хорошая клиника, скорее всего, самая лучшая из возможных. Но это сейчас не важно, вот абсолютно, важно другое.

Вечером, в первый день, в палату вошёл Шукрат. Подпёр плечом косяк, просканировал меня взглядом, а я подорвавшаяся с места, села обратно, потому что не его ждала, совсем не его!

– Чё подорвалась так? Это всего лишь я.

Сухо во рту становится и губы мгновенно немеют. Смотрю за спину, стараясь найти другого человека.

Я так сильно хочу тебя видеть... я так сильно скучала и думала умру там.

Перевожу глаза на Шукрата.

– Где он? Скажи... скажи, что у него всё хорошо. Не пугай меня. – шепчу, всматриваясь в жёсткие черты мужчины. – Почему ты тут?

Шукрат выдыхает сквозь стиснутые зубы, ошпаривая взглядом.

Я никогда ему не нравилась – не тогда, когда в первый раз увидел, не тогда, когда от своих же увёл. Он своеобразный, но я, кажется, привыкла. Нелюдимый, жесткий и грубый, тоже не в меру.

– Нянька твоя, потому что. – сплёвывает.

Киваю. Предсказуемо и понятно – Фархад ему доверяет, но сейчас другое важно.

И надо бы отступить, но тут тоже – нет. Не отвожу глаза, смотрю прямо и жду когда ответит.

Я не отстану... не остану, ты знаешь...

Шукрат прищуривает и психовать начинает:

– Чё тебе надо? Тебе тут что, плохо?

Округляю глаза. Грубость – не новость, но он увिलивает от ответа.

Сердце разгоняется, а потом вниз ухает на громадной скорости.

Что ты скрываешь...

– Он занят! – рубит.

– Занят настолько, что не хочет поговорить даже по телефону? – настаиваю. – Я чего-то не знаю? Что ты скрываешь от меня? Я вижу, что недоговариваешь.

Задышаться начинаю, а лицо мужчины ещё сильнее кривится.

– У него всё в порядке?

Морщится как от зубной боли и огрызается тут же:

– Сами разбирайтесь. Моя задача тебя отнянькать и увезти. Ты на моей ответственности. – и ядовито добавляет: – Отдыхайте, ваше сиятельство, ваш благочестивый сон охраняет

пара крепких парней на выходе – даже сикать при них можно. Без них нельзя – поняла? Не ногой из больницы! Услышала?

Киваю и тут же спрашиваю, внутренне холодея:

– Его нашли?

Шукрат вгрызается в мои глаза, ища там что-то такое, чего я сама понять сейчас не в состоянии.

– Соскучилась? – ехидно замечает.

Передёргивает и к горлу тошнота подступает, а в это время Шукрат как-то одобрительно хмыкает, но всё так же прицельно сканирует моё лицо глазами.

– Я не чувствую себя в безопасности пока знаю, что он где-то рядом.

Мне всё время кажется, что он где-то тут, совсем рядом, наблюдает и ждёт... ждёт что останусь одна и тогда...

Горло в очередной раз перехватывает болезненным спазмом.

– Он не рядом. – жёстко рубит. – А вот я – да. Так что не вздумай что-то выкинуть. Я сопلي вытирать не умею, а вот сделать жизнь невыносимой – всегда пожалуйста. Слушаешь меня беспрекословно, говоришь и делаешь что я скажу. Всё понятно?

– Понятно, – шепчу осипшим голосом и всё-таки опускаю глаза вниз.

Глава охраны Фархада вручая мне мой телефон. Смотрит несколько секунд, а после говорит, что тот номер, на который я звонила теперь его и Фархад позвонит сам.

Услышав это – улыбаюсь, Шукрат щелкает языком, головой качает, что-то там на своём говорит и всё-таки оставляет меня одну.

Забираюсь в кровать, ложусь и всё с такой же широкой улыбкой смотрю в потолок Сердце радостно подпрыгивает в груди, собираясь выпрыгнуть.

Я так по тебе соскучилась... и я так сильно хочу к тебе: в самые нежные объятия в этом мире. Слышишь?

Я хочу к тебе...

Закрываю глаза представляя: как влетаю прямо в руки, прижимаюсь крепко-крепко и вдыхаю его запах. У меня обязательно закружится голова и слёзы побегут, а он посмотрит на меня и тоже улыбнётся, потому что каждый день скучал... больше, чем я скучал...

Я всё-всё ему расскажу, если спросит. Расскажу, как очнулась, расскажу, как мне было плохо, как мечтала сбежать, как думала, что не увижу его и как сильно за него боялась и скажу, что люблю. Посмотрю в глаза и скажу это.

Переворачиваюсь на бок, подкладывая ладошки под щёку.

Плывать на всё, к нему хочу. Сейчас.

В этот вечер я впервые нормально поела, так как надо поела. И улыбалась широко, даже охранникам, которые буквально везде за мной ходили, пугая своим видом других больных. А ещё я бесконечно смотрела на часы. Ждала.

Час...

Два...

Пять...

Сначала подумала, что очень занят, потом что что-то случилось, а после... придумала ему кучу оправданий...

Ждала звонка до двенадцати ночи... каждую минуту, каждую секундочку на экран смотрела, а он не звонил.

Вечером следующего дня – посыпалась, откровенно разрыдавшись. Оправданий больше не осталось.

Внутренне всё выжгло...и в какой-то момент я с ужасом осознала: он не позвонит. В груди что-то сжалось, щелкнуло и болезненно треснуло. Пластик нагревался в руках, а экран

даже не мигнул не разу. Да и я не стала снимать блокировку, потому что там наше фото... селфи. Я его поставила, в тот самый день, когда Паша решил повернуть мою жизнь вспять.

Разблокировать пришлось: Шукрат настоял, чтобы я позвонила родителям и сказала ровно то, что он написал на листке. Сказала... врала и плакала, захлёбываясь на каждом слове. Они думают, что меня украл маньяк и просто держал в доме и ничего непоправимого не случилось.

Эта версия перекликается с настоящей и слава Богу, потому что рассказать правду, я точно не смогу. Для них это был старый трухлявый дед, который сбрендил и решил, что я его когда-то погибшая внучка... а я на неё похожа как две капли воды, вот у него и переклинило: выкрал, подкараулив вечером и отвёз к себе, там запер и хорошо относился, а я умная девочка – подыграла ему.

Мама плакала, убиваться начала, а отец и вовсе не стал со мной говорить, на фоне ругался. А мне... мне пусто было... ужасно пусто.

Родители хотели приехать, буквально кричали об этом – не дала. Сказала, что я тут как важный свидетель прохожу и нахожусь под защитой государства... мне самой нельзя уехать... пока что...

Им не нужно знать правды, я не выговорю её, не решусь.

***

Полетели дни... холодные, пустые, какие-то глухие.

У меня берут анализы, со мной разговаривает психолог, терапевт, кардиолог и ещё немалое количество специалистов, калейдоскоп которых пролетает мимо глаз смазанными пятнами.

Я отвечаю на вопросы, принимаю препараты и больше ничего не прошу, окунаясь в свой личный ад по самую макушку. Меня даже не радует тот факт, что по анализам я полностью здорова.

Смешно... анализы выше всяких похвал, словно на курорте отдыхала, а не голодала, находясь в бесконечном стрессе.

Но самое болезненное было совсем не это.

Фархад не звонил, а Шукрат наотрез отказался позвонить сам или дать номер. Кричала, угрожала, плакала – ответ всё равно был одинаков:

– Нет!

– Сложно?

– Нет, я сказал. Чё не ясно?

Обиделась, отвернулась и снова заревела, а он ушёл, полностью проигнорировав.

Я искренне не понимала, что могло случиться! Что? Неужели не хочет? Минуты на меня не нашёл?! Плевать там ему? Или что?!

Не понимаю почему...

Всё же было прекрасно, я думала, что он... любит... что я не просто, что...

Господи...

Мучаясь, извожу себя до колик, придумываю разные варианты: от нашёл другу, до проблем на работе... Я не знаю как ещё! Я не знаю!

А потом всё резко меняется, резко и болезненно.

В день выписки приезжает Шукрат, привозит новенькую одежду и хмуро окидывает меня взглядом. Хочет что-то сказать, но молчит, просто смотрит, а я к окну отворачиваюсь.

Не надо больше слов, я теперь понимаю, почему не звонил.

Теперь всё кристально ясно.

В руках шелестят обычные листы, там чёрным по белому всё написано.

Не хочу смотреть и читать этого не хочу.

– Поехали, чё сидишь, царевной. – Шукрат подходит ближе. – Что забрать? Это? Или чё за пакет валяется? Оксан, ты глухая?

Прикосновение к плечу, едва ощутимое, практически невесомое ... но мне хватает, чтобы разрыдаться. Зажимаю рот рукой, скукоживаясь в комок.

Лучше бы меня не нашли в этой канаве... лучше бы там осталась... лучше бы сдохла!

Глава 4

Влюблённые, воздушные, безумные... Они такие странные, чужеродные для этого прогнившего насквозь мира.

Сердце сжимается... от зависти сдавливает. Смотрю и больно.

Парочка самозабвенно целуется на остановке посреди бела дня на глазах у всех. Буквально вгрызлись друг в друга никого вокруг не видя. Бабулька, сидящая на лавочке на той же остановке – пыхтит и возмущается, а им плевать.

Сжимаю губы, чувствуя привкус горечи во рту.

Не могу смотреть...

Раньше всё равно было: кто и что, а сейчас выкручивает. Взгляд упирается в багажник впереди стоящей машины.

– Куда ты меня везёшь? – хриплым, каким-то слишком низким голосом спрашиваю я, не отрывая глаз от номера машины.

Шукрат хмыкает и тут же вставляет шпильку:

– О-о-о... да ты смотри, заговорила.

Игнорирую. Он справ, конечно... я молча всю дорогу. Смотрела на пролетающие мимо автомобили, деревья, города и молчала...

Каждый километр что мы преодолевали оставлял рубец. Очередную борозду на моём сердце. А их там уже много, живого места не осталось – вот так их там.

– Квартиру тебе сняли – туда едем. Обустроиться помогу.

Смотрю на свои сцепленные пальцы – дрожат. Тремор по ощущениям распространяется по всему телу... по телу, которое меня предало.

– Не надо.

Шукрат мгновенно бесится: ругается громко, кажется что-то с матом говорит. Не обращаю внимания, смотрю сквозь стекло на залитый солнечным светом асфальт.

Ласковое солнышко совсем никак не вяжется с тем, что у меня в душе творится... мне бы подошёл колючий буран с тысячей игл, а не вот это всё.

– Не еби мне мозги, понятно?! – зло проговаривает. – Я неделю убил в этой дыре из-за тебя! У меня дел до жопы, так что без выкаблучиваний!

Хочу попросить его не орать, но в самый последний момент, решаю промолчать.

Сил – нет.

– Ну да... в молчанку опять. Пиздец.

Растягиваю губы в подобие улыбки, но даже она не получается... ничего не получается так как мне бы того хотелось.

Психолог сказал, что это пройдёт... он в общем много чего говорил, работал на полную катушку: рекомендации дал, контакты специалистов, звонить обещал. Боится наверное, что я руки на себя наложу в один прекрасный момент...

Не наложу. Тоже не смогу...

– Я домой поеду. Ничего не нужно.

Тихо выдыхаю, сжимая пальцы до ощутимой боли. Больше всего на свете мне хочется закрыться где-то в тихом месте и обхватив колени руками – плакать. Просто плакать...

– Нет! Ты будешь там! Решено уже! Будешь ходить на грёбанные групповые занятия и ещё какую-то хреноту. Чё там у тебя по списку: магазины, больничка, ещё какая-нибудь ебатория.

Часы переключаются на тринадцать ноль-ноль... смотрю на циферблат, расположенный на одном из зданий. Бегут минуты и люди бегут... а я уже остановилась.

Шукрат психует, к сигаретам тянется, потом опомнившись кидает пачку на приборную панель и сжимает зубы, бормоча под нос очередную фразочку.

Делаю вид что не вижу, смотрю на знакомые улочки тщетно пытаюсь пропитаться хорошими воспоминаниями... с первого курса например: я так восторженно бегала по городу, всё рассматривала и фотографировала... мне так нравилось тут всё. Какой же свободной я была, от всего свободной.

От невыплаканных слёз свербит горло.

Не так я представляла себе возвращение. Совсем не так.

Жаль, что наперёд невозможно знать, что и как будет. Мне бы сейчас хотелось вернуться в прошлое и сказать себе: «Выбери другую профессию, просто выбери другую...». Тогда, возможно, не было судьбоносных встреч, не было любви, которую я не искала и боли бы тоже не было... и выбора... выбора вот этого, так же.

Выбор...

Я хочу сделать правильный, но правильного нет.

Мне предлагают жить дальше. Просто жить... А я не смогу уже просто, я ничего не смогу просто! Просто было когда я его не знала, когда этот прогнивший до основания мир не поглотил меня без остатка!

Господи... ну, почему ты так... за что?

Он великодушно оплатил квартиру, выделил денег, пристроил очередным психологам... он... он открестился от меня. Это иначе не называется.

Радоваться нужно, наверное... потому что как не крути – позаботился. Только мне такая забота не нужна. Лучше ничего чем так!

Почему не в глаза? Почему не в глаза!!!

Внутри сжимается пружина, больно раня, а после я понимаю, что не хочу слышать его слов. Прокручиваю в голове варианты и прихожу к выводу, – не хочу. И видеть его не хочу! Боюсь, потому что знаю – встреча не оставит от меня и мокрого места.

Нужно чем-то заняться, отвлечься, забить голову работой, например, только вот... Я практически безработная и вернуться к нормальной жизни тоже не смогу так быстро.

Шукрат, вторя моим мыслям говорит:

– На работу не ходи, всё утрясли, выйдешь если захочешь потом. Пока тебе есть чем заняться.

Сглатываю.

– Его нашли?

– Нет.

Закрываю глаза. НЕНАВИЖУ! Хочу, чтобы с пулей валялся где-то, чтобы не стало его, чтобы сгнил под забором!

– Я найду – не сомневайся. – хмыкает, заруливая во двор многоэтажки.

Верю я или нет – не имеет значения. Всё в что я когда-то верила в прах превратилось, даже я.

Спустя десять минут, переступаю порог квартиры. Современная, большая и светлая... Хороший дом, в хорошем районе – тут все такие. Я знаю, недалеко жила одна из мох одногруппниц.

– Вот, – на кухонный стол ложится банковская карта, – тут бабки, пользуйся.

Бросаю на Шукрата усталый взгляд. Мне всё равно... деньги, ключи, воздух... Я не хочу даже дышать, а он про деньги говорит.

Оставь в покое... пожалуйста. Иди, просто иди...

Шукрат недовольно цокает, головой качает и всё-таки высказывается:

– Давай только без выкрутасов. Ты под охраной. Пока грёбаного утырка не найду, кто-то будет присматривать постоянно, так что ходи по улицам спокойно. И ещё: вены не резать, с балкона не прыгать, вести себя адекватно. – напутствует, в глаза заглядывая.

Отворачиваюсь и молча жду, когда уйдет. Он же не настаивает, сам поскорее хочет от меня отделаться.

– Ну и заварила ты... дура – дурой.

Тарабанит по столешнице, очередное ЦУ проговаривает сквозь стиснутые зубы и наконец-то уходит, напоследок обернувшись у порога.

Молча жду хлопка двери и как только это происходит – падаю на колени как подкошенная, сгибаюсь пополам и ору во всё горло. Ору так сильно, что горло саднить начинает, но я всё равно не останавливаюсь... я задыхалась в этом и я больше не могу так. Не хочу в себе держать.

Сворачиваюсь котёнком в клубочек, тихо всхлипывая.

Я хочу, чтобы кто-то сказал: *не переживай, всё будет хорошо, теперь всё будет хорошо...*

Но этого никто не скажет, потому что больше хорошо не будет. Ни-ког-да!

Прихожу в себя далеко не сразу, а только тогда, когда понимаю, что продрогла до самых костей. Эта квартира не про уют, она холодная, мёртвая... ледяная. Поднимаюсь на ноги, пошатываясь, и иду в комнату, чтобы остановиться на пороге, как вкопанная, потому что там мои вещи – те самые вещи из прошлой счастливой жизни. Везде они! В шкафу, на тумбочке, на кровати! Срываюсь на бег до ванной и там тоже самое... всё моё: баночки, флакончики, патчи начатые...

Захлопываю дверь испытывая крайнюю степень ярости. Вот так меня из жизни вычеркнули! Со всеми шмотками и вычеркнули!

Что же ты не на помойку, а? Зачем сохранил?! ЗАЧЕМ?!

Слёз нет – высохли, а тело в очередной раз ватой становится.

А плевать. Пусть всё это будет. Пусть всё что угодно.

Плечусь в гостиную, сажусь на диван и вот менно в этот момент отмораживаюсь, просто застываю. Глаза приклеиваются к панели телевизора, а кровь сгущается до состояния киселя. Не знаю сколько так сижу... видимо долго, потому что полуденное солнце сменяется закатным, а потом и вовсе гаснет, погружая комнату в темноту.

Я вижу себя в отражении, и я себе не нравлюсь, но всё равно смотрю. Паша снял зеркало в ванной, убрал все предметы, которыми я могла навредить себе и хорошо, потому что то, во что я превратилась, явно не способствует благоразумию. Я ужасна... мешки под глазами, веки опухшие, ярко-выраженные скулы и волосы с желтизной... Кошмарное зрелище.

И вроде бы всё тоже самое, просто приведи тело в порядок и всё, но я даже не пытаюсь встать и сделать это. Я больше не хочу. Внутри стоп искр, мой личный костёр в котором стораёт всё когда-то очень дорогое для меня.

Вот так из обычной девчонки, строящей грандиозные планы на эту жизнь, я превратилась в это нечто... Автоматически глотаю воздух. Он сухой, никакой... без запаха, без нагрузки и я тоже никакая, фактически полная, практически – пустая.

Глаза жжёт и под рёбрами больно.

Моё настоящее – ад.

А потом... тишину взрывает звонок, от которого вздрагиваю, медленно поворачивая голову к двери.

Мне не нужно смотреть в глазок, чтобы понять кто это. Я чувствую его кожей, каким-то внутренним чутьём. Всегда. Везде. Он у меня на подкорке вшит, где-то гораздо глубже чем сердце, сердце, которое в данную секунду обливается багряной кровью, как кислотой.

Не бегу открывать, как раньше делала.

Я так часто это делала...

Поднимаюсь на ноги, чувствуя, что с каждой секундой всё больше и больше проваливаюсь в трясины. Вязну там... и не сопротивляюсь – готова сама себя закопать, лишь бы оттянуть встречу. Знаю, как смотреть будет и не хочу видеть эти глаза.

Один звонок, второй и ещё несколько.

Отталкиваюсь от дивана, делая несколько неуверенных шагов.

Ну... у тебя же есть ключи... так открывай, что же ты.

Я точно знаю, что он с ключами, потому что Фархад и контроль – тождественные величины.

Щелчок дверного замка, скрип ручки и полоска света из подъезда становится всё больше и больше. Доползает до ног, поднимается выше и вскоре освещает всю меня.

Встреча взглядами, удар сердца и следом пустота... не моя – его.

Я не чувствую запахов, биения сердца и, кажется, забываю, как дышать.

Он не изменился... такой же, как и был в наше последнее утро. В то самое утро, когда я была самой счастливой.

Болезненный удар о рёбра, судорожный вздох и пламя, окатившее с головы до ног.

Мы – прошлое.

Сердце болезненно сжалось. Если было бы можно повернуть время вспять, я бы осталась в квартире: ждала его до вечера и кинулась в объятия, а он бы точно поймал и закружил, а потом поцеловал, как всегда, делал.

Фархад медленно осматривает всю меня с головы до пят, а я стою, не предпринимая попыток хоть как-то закрыться – тоже смотрю. Смотрю как он заходит внутрь, как зажигает свет, как делает несколько шагов навстречу.

Он еще слова не сказал, а у меня уже нет сил вести диалог. Говорить не могу, но смотрю неотрывно, понимая, что ко мне из офиса приехал: брюки, рубашка, пиджак.

– Здравствуй...

Сказала и голос дрогнул, потому что он резко в глаза посмотрел, разгоняя мою вселенную до скорости гиперпрыжка. Пульс галопом, а из глаз слёзы побежали.

Всё...

Закрыла лицо ладонями, тихо всхлипывая.

– Не бойся меня, ладно.

Голос звучит где-то совсем рядом, но я дёргаюсь не от этого, а оттого, что он говорит. Отрываю руки от лица, в глаза смотрю. Чёрные глаза заволакивает какой-то непонятный смесью из сожалений и участия.

Я так тебя ждала... так сильно тебя ждала.

Давай напишем другой финал... давай сожжём прошлое. Всё сожжём и напишем новое... пожалуйста.

Между нами, один единственный шаг. Всего один шаг...

Опять смотрим друг на друга и ничего не можем сказать, просто не знаем, как начать говорить, потому что каждое слово только больше боли принесёт. И все это прекрасно понимают.

– Не плачь... не могу смотреть на твои слёзы.

Говорит и тут же отворачивается чтобы пройти в кухню. Зажигается архитектурная подсветка. Медленно двигаюсь следом – внутри стекло смешивается с кровью причиняя ещё больше боли.

Горло давно пересохло, но я всё равно выдавливаю:

– Шукрат сказал, что ты снял её.

Фархад останавливается у варочной панели, смотрит на неё, а после разворачивается ко мне.

Два шага и я смогу обнять, всего два шага... Господи, помоги.

Слезы высохли, но трясёт всё так же.

– Я её не снимал. Она моя.

Киваю, пуская глаза на пол.

Я в его квартире. Снова... Только радости от этого, как и тогда – минус сотня.

– Не знала.

– Да... – хмыкает, – дело было ещё в студенчестве. Пospорили с... пусть будет другом...

В общем, спор был на тему: дом сдадут раньше сроков. – Фархад облакачивается о столешницу, ставя руки по обе стороны от себя, максимально демонстрируя открытую позу.

– Сделали?

– Нет, – усмехается, – на три года задержали, придурки. Я уже и забил на это, но Сява ушлый, про спор помнил. Пришёл требовать выигрыш после сдачи.

– Спор на квартиру?

– Я купил этаж... – признаётся, поджимая губы сдерживая улыбку, что напрямую говорит о том, что он явно осуждает собственные действия.

– Это было не выгодно?

Говорю просто для того, чтобы поддержать хоть какое-то подобие диалога. Диалога, который никому не нужен.

– Ну, почему же... перспективный район, хороший застройщик, мне было интересно покопаться в бумагах. Я только поступил и всего хотелось попробовать. В общем, по приколу купил и пообещал, что построят. И обломался... Пришлось Сяве квартиру отписать, остальные продать, а эту себе оставил, потом забыл про неё. Столько времени прошло... – опять усмехается, качая головой.

– Пригодилась...

Наша близость в тягость. Разговор этот пустой неловкостью приправленный как перцем жгучим. Всё не так... Я хочу сказать ему другое... но так и не решаюсь, язык прирастает к нёбу и не даёт.

– Я хотел узнать, как ты.

Скукоживаюсь, буквально съёживаюсь до песчинки внутри, но внешне слабо улыбаюсь и говорю:

– Жить буду.

– Если тебе нужна помощь, я могу помочь. Не хочу, чтобы ты думала, что я тебя к чему-то принуждаю. Твой звонок выглядел неоднозначно на фоне всей ситуации, но я буду рад знать, что у тебя всё хорошо.

Звучит неестественно, как-то заученно, не по-настоящему.

Господи... между нами ничего не осталось настоящего... а раньше так горячо было, так сильно штормило... Если бы я только знала, что это всё закончится... я бы иначе себя вела. Совсем иначе.

Он хочет сказать что-то, но отвлекается на входящий звонок. Вытаскивает телефон из кармана, слегка хмурится, но, извинившись, уходит в глубь квартиры, чтобы ответить, оставляя меня в одиночестве.

Не держу. Не имею на это право, как бы не раздирало – ничего не могу!

Мы говорим и смотрим друг на друга как чужие люди. Даже выдерживаем светский тон... Боже, как же это выдержать всё. КАК?! Он в квартиру вошёл, а я физически ощутила стену, которую поставил между нами. И я не смогу позволить себе даже просто попробовать подойти ближе. Это бесполезно...

Не нужна ему. Чувствую. Знаю.

А ещё, я как последняя идиотка за что-то цепляюсь. Всё ещё борюсь с желанием заорать, встряхнуть его и себя, вывалить правду! Всё - всё сказать! Пусть делает с этой информацией всё что хочет... пусть...

Сжимаю пальцы, дышу через нос и почти собираюсь это сделать как слышу приглушённое:

– Да, скоро. Закажи ужин. Устал.

Делаю несколько порывистых шагов, а после замираю, услышав женский голос.

Женщина...

Холод прошибает до самых костей неся с собой горькое осознание: это женщина, с которой у него сегодня ужин...

Боль прокручивается в грудной клетке как нож.

Наверное, она соответствует его понятиям о том какая должна быть женщина. Его женщина. Ведь я теперь – нет.

Не могу дышать. Кислород перестаёт поступать в лёгкие, а голова начинает кружиться. Нахожу рукой спинку стула и опираюсь, чтобы не упасть. Перед глазами чёрные мушки пляшут.

Фархад возвращается на кухню, к этому моменту я успеваю переместиться на стул. Ноги просто подкосило и всё...

– Шукрат уверял, что со здоровьем у тебя всё хорошо. Как ты себя чувствуешь?

На лоскуты режет. Вот прямой сейчас...

Тон вежливый и глаза спокойные, но он всё равно убивает. Лучше бы орал... лучше бы залился, лучше бы ударил. Но не так...

Ему меня жаль, просто жаль, как собаку дворовую. Страсть растворилась, а любовь... любовь как оказывается вполне себе заменяется тошнотворной жалостью.

Ты же меня любил... меня...

Я для тебя... кто? Жалко меня? Или ты нос хочешь утереть? Я разменная монета? Переходящее зная?

Кто я милый... кто я?

– Хорошо.

Голос бесцветный... надо же... и такое может быть.

Фархад хмурится, плотно смыкая губы, смотрит в глаза, которые я отвожу в который раз.

– Если ты хочешь вернуться к нему, я не стану удерживать.

Задыхаюсь в ту же секунду. Резко поворачиваюсь лицом, вгрызаясь глазами в глаза. Фархад, как и прежде убийственно спокоен.

– Я думала, вы враги.

В горле сдирает до мяса. По ощущениям мы заступили за грань – за ту самую грань, где адово больно уже обоим, но всё равно упрямо дальше идём.

– Так и есть. – кивает, подтверждая слова.

И тут я понимаю, что он... он меня врагу своему вернуть хочет? Так?!

В груди что-то взрывается, образуя после себя огромную дыру.

– И всё равно хочешь вернуть?

– Я сказал, что не буду против. – чеканит, гвоздя меня тяжёлым взглядом. – Передам из рук в руки, если хочешь. Это не твоя война и я не воюю с женщинами – тем более с тобой.

Снова ударом под дых. Сжимаю пальцы до боли, тормозя подкатившие слёзы.

Хватит! Молчи, умоляю, молчи...

– Я думал, что ты вполне счастлива.

Меня прошибает судорога. Пока я страдала, он думал, что мне хорошо...

– Думаешь мне было хорошо? – смотрю в глаза.

Кровь в ушах шумит, я голоса своего не слышу, но его очень остро ненавижу начиная... за слова и за холод, за всё!

– Разве детей рожают от тех, с кем плохо?

Контрольный в голову.

Один выстрел – одна смерть...

Больно, до самых кончиков волос – больно.

Нужно сказать: я не хотела, он – урод, я... много можно сказать вот тут, глядя ему в глаза, но я не скажу... У моего мужчины другая жизнь, другая женщина и эта грязь для такого как он... не нужна. Я же знаю как для него было важно, что я чистой ему досталась, что девственницей была. Только его, только для него. У них видимо это тоже пошито на подкорке где-то. Своя должна быть изначально своя. А я... уже всё.

Паша сделал всё чтобы его от меня отвернуло: видео отправил... Немудрено, почему он решил, что я рада была прыгнуть на другого мужика. Там, на той записи, только двое знают, что действительно было правдой. До этой секунды... мне отчаянно хотелось верить, что он увидит правду, что...

Наивная.

– Если ты так считаешь...

Криво улыбается, подтверждая все мои мысли.

А я... я просто не имею никакого морального права лезть к нему.

Да и что сказать? Что тут скажешь уже.

Во мне чужой ребёнок. Ребёнок, которого я не хотела, но данную секунду он живёт и развивается внутри меня. И это будет вечным напоминанием о том, что я упала ниже дна... ниже дня – для него. Мало того, что мною пользовался другой, так ещё и это. Такой мужчина, как Фархад, не примет ни саму мысль, ни факт. В глазах это вижу и единственное, что остаётся – отпустить быть счастливым, пусть и не со мной.

– Почему помог? Зачем привёз?

Складывает руки под грудь, взгляд чёрных глаз становится тяжелее.

– Спрашиваю себя об этом каждый день, – просто отвечает он.

В грудь врезается нож... умерщвляя истерзанную душу. Иллюзия счастья развеялась, оставляя после себя болезненное эхо воспоминаний.

Отворачиваюсь, смотря на фасад кухни.

Мне было так плохо без тебя... ужасно.

На какое-то время воцаряется гнетущая тишина. Я чувствую его немигающий взгляд на лице, но говорить сил нет.

– Хочешь вернуться?

Вздрагиваю, мгновенно возвращая глаза обратно.

Вернуться? Вернуться к нему?!!

Что ты говоришь... как ты можешь мне такое говорить? Я лучше в ад спущусь, чем снова вернусь к нему.

– Нет.

Фархад кивает, спокойно принимая мой ответ. В его картине мира всё иначе, но переубеждать нет никакого смысла – уже нет. Мне хочется, чтобы он спросил почему я так ответила, но он не спрашивает. Раньше ему было интересно всё, что со мной связано, а сейчас... И это «нет» оставляет рытвины на коже. Рубцы, которые никогда не затянутся.

– Надеюсь, тебе будет не очень жаль, когда я найду и сотру его в порошок.

Впервые за наш диалог на лице прорезаются яркие эмоции: ярость, жестокость и жажда мести.

– Не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.